
МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК СПОСОБ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ РИСКОВ

НОРАЙР ДУНАМАЛЯН

Культурное противоречие – наиболее очевидное проявление противостояния модернизации и традиционализма. Между тем институциональная форма адаптации к требованиям современности формирует основу реалистического взгляда на роль модернизации в западном культурном ареале и в странах контрмодернистской, или «догоняющей», стратегий. Противостояние между элементами традиционного порядка и модернистской системы взглядов проявляется во всех сферах жизни общества, но в основном между старыми и новыми институциональными системами. Впрочем, среди исследователей Модерна доминирует мнение об универсальности ценностной базы этого политического проекта, но отсутствии институциональной общности, так как институциональная основа Модерна претерпевает серьезную трансформацию в отличной от европейской культурной среде. В. Мартьянов считает, что, «пользуясь экономическими выгодами пребывания в миросистеме, открывающей им доступ к глобальным финансово-экономическим потокам, периферийные элиты часто лишь симулируют Модерн на институциональном и идеологическом уровне»¹. Принимая данную точку зрения, трудно согласиться с мыслью, что ценностное единство западного Модерна основано на либеральном консенсусе вокруг представлений о капиталистической системе². Ведь уже сегодня политическая конъюнктура создает условия для роста в западном обществе авторитарных тенденций по причинам социально-экономическим, миграционным, демографическим и т.п. Безопасность становится ценностью неолиберального общества, деидеологизируя его и определяя приоритетность выработки высоких технологий, лишенных культурного или нравственного наслоения.

Проблема национальной и государственной безопасности, пронизывая современное общество, напрямую связана с такими понятиями, как риск, угроза, опасность, что обусловлено ее влиянием на все стороны его жизни. В содержательном плане безопасность – явление производное от опасности, что, впрочем, отражено в самом понятии безопасности как отсутствии опасности и определенной степени защищенности. Понятие «бе-

¹ Мартьянов В. С. Политический Модерн за пределами Европы: ценностное единство и институциональное разнообразие // «Полития». № 3, 2010, с. 55.

² См. там же, с. 54.

зопасность» может рассматриваться в связке понятий «вызов–угроза–риск», так как данные категории характеризуют степень кризисного потенциала общества и возможности возникновения общественной опасности как таковой. В данном случае важно указать связь между модернизационными процессами в переходных обществах и схему формирования «среды риска», что проявляется в механизме функционирования этих двух процессов. Вызов – это совокупность обстоятельств, не обязательно конкретно угрожающего характера, но безусловно требующих реагирования на них. По сути, вызов определяется существованием опосредованных негативных факторов, которые в своем развитии могут привести к конфликтной ситуации, существенно изменить военно-политическую обстановку и создать прямую угрозу обществу.

Данное обстоятельство превращает вызов в первичную категорию системы «опасность – безопасность». Опасность – вполне осознаваемая, но не фатальная вероятность нанесения вреда кому-, чему-либо, определяемая наличием объективных и субъективных факторов, обладающих поражающими свойствами. Она представляет собой объективно существующую возможность негативного воздействия, в результате чего может ухудшиться состояние объекта. Так, например, традиционными признаками внешней национальной опасности выступают появление очагов военно-политической конфронтации; наличие региональных и международных кризисов и вооруженных конфликтов; создание и активная деятельность агрессивных военно-политических союзов, блоков, коалиций и т.п. В области внутренней политики такими признаками служат милитаризация экономики и духовной жизни общества; чрезмерный рост военных расходов; усиленное формирование в общественном сознании образа врага.

Угроза – наиболее конкретная и непосредственная форма национальной опасности, создаваемая целенаправленной деятельностью откровенно враждебных сил. Опасность и угроза представляют собой разные уровни состояния, подрывающего безопасность социума. Угроза – это стадия крайнего обострения противоречий, непосредственно предконфликтное состояние, когда налицо готовность одного из субъектов применить силу в отношении конкретного объекта для достижения своих политических и иных целей. Риск в самом общем виде есть возможность возникновения неблагоприятных и нежелательных последствий деятельности самого субъекта. При этом он являет собой определенные ограничения в реализации намеченных действий, связанных с тем, что не всегда удастся заранее точно просчитать, как скажутся на безопасности страны те или иные новации.

Н. Луман утверждает, что основным критерием отличия риска от опасности выступает непосредственная причастность действий субъекта к возможному ущербу. Если потенциальный урон привязывается к решению

и рассматривается как его последствие, тогда мы говорим о риске решения. Если же причины возможного урона обусловлены внешними факторами, иначе вменяются внешней среде, тогда мы говорим об опасности. Опасность – это то, «чему некто подвергается, независимо от того, действует этот некто или нет»³.

В широком смысле процесс модернизации формируется на основе формулы «вызов–адекватное реагирование», что проявляется в создании условий эффективной институциональной, экономической, социальной и иной политики государства. Именно поэтому процессы глобализации и модернизации, будучи также и формами распространения и внедрения глобальных рисков, сближают схемы формирования разнородных процессов, основывая предпосылки для саморефлексии того же процесса модернизации. Но формирование институциональной основы ценностного восприятия понятия «безопасность» создает предпосылки для пересмотра старых схем модернизационных процессов. «Культ безопасности» ведет к ужесточению общественного контроля и к установлению власти технократических элит, обеспечивающих безопасность. На этом этапе политический проект Модерна претерпевает очищение от идеологических наслоений, так как технологическая основа построения социальных и политических отношений ставит перед обществом проблему общественных благ и повторения определенных процедур. Таким образом, проект Модерна «легитимизирует» мировую капиталистическую систему через обращение к технократическим методам организации общества, где политические институты направлены на удержание власти элиты и обеспечения воспроизводства социального капитала.

Ф. Фукуяма обращается к понятию «социальный капитал», которое легко подвергается операционализации и количественным измерениям, так как «адекватное измерение социального капитала требует принимать в расчет природу коллективной деятельности, на которую данная группа способна, что включает в себя: степень сложности выполняемых действий; ценность продукта, производимого группой; возможность производства продукта при неблагоприятных условиях»⁴. Интересен тот факт, что проводится исследование социальных институтов через анализ способности общественных групп произвести продукт в виде определенного результата, то есть ценность социальной группы в данном случае определяется ее практической эффективностью. Такой подход проецируется также и на политические институты, формируя основное смысловое ядро модернистских идей. Освоение современности в процессе модернизации современного общества заключается именно в определении оптимальных вариантов производства и внедрения социальных и политических отноше-

³ Луман Н. Понятие риска // «Thesis», 1994, № 5, с. 152.

⁴ Фукуяма Ф. Великий разрыв. АСТ. М., 2003, с. 37.

ний, что создает прецедент процедурной основы существования современного политического дискурса, не нуждающегося в каком-либо идеологическом консенсусе.

В современных условиях модернизация претерпевает постоянные трансформации, основанные на кризисе мировой капиталистической системы и отсутствии иной модели развития. Политические тенденции, существовавшие во второй половине XX – начале XXI века, потеряли свою динамику или трансформировались в трансполитическое проявление глобального институционального кризиса. Схема модернизационных процессов, о которой мы говорили выше, не соответствует ее современной версии, так как рефлексия кризиса модернистского проекта создает обратную картину. Модернизация в современных условиях становится процессом приобщения мирового политического пространства к изменениям капиталистической системы, то есть элиты ряда государств формируют стратегию реагирования на кризис, основываясь на уже существующей схеме реагирования, а не на своем собственном видении проблем.

В данном контексте следует обратиться к концепции «индигенизации»⁵, активно используемой С. Хантингтоном для объяснения некоторых парадоксов демократизации и модернизации незападных стран, когда демократические выборы приводят к антизападным настроениям, так как кандидаты вынуждены обращаться к националистическим и религиозным лозунгам для обеспечения и удержания политической власти⁶. С. Хантингтон объясняет этот феномен кризисом западной цивилизации и кризисом модернизации как инструмента приобщения к универсальным ценностям, так как демократизация в незападных культурах приводит, прежде всего, к самоизоляции и защите собственных интересов. Можно привести множество примеров, когда незападные государства или бывшие европейские колонии выбирали отличный от западного путь экономического и политического развития, что способствовало процветанию того или иного государства. Но, будучи носителями различных языков и религий, политические элиты развивающихся стран перенимали западный опыт развития, формируя институциональную базу политической системы в соответствии с «уникальностью» национально-культурных особенностей того или иного народа. Защиту данной «уникальности» в этом случае можно ассоциировать с возможностью воспроизводства и удержания политической власти, так как культурные, религиозные и национальные особенности рассматривались и рассматриваются со стороны политических элит в качестве средства укрепления авторитарной власти.

⁵ **Индигенизация** – термин, обозначающий локальные тенденции к культурному обособлению и цивилизационной независимости. Индигенизация противоположна таким интегральным процессам, как ассимиляция, глобализация, вестернизация, прозелитизм и пр.

⁶ См. Хантингтон С. Запад уникален, но не универсален // «Мировая экономика и международные отношения», 1997, № 8, с. 90.

Многие исследователи не согласятся с данным тезисом, так как заимствование научных технологий и процедур не обуславливает отказ от культурного наследия, что, в свою очередь, обозначает уникальный путь политического развития. Как утверждают В. Г. Буров и В. Г. Федотова, «Рациональное здесь – не декартовское, а конфуцианское. Тем, кому покажется, что это все вообще нерациональное, придется считаться с логикой автохтонного развития в посткоммунистических странах, прежде всего – России, в Китае, Индии, Бразилии и Индонезии»⁷. Возникает вопрос: существует ли какая-либо логика автохтонного развития? Ведь большинство постколониальных и развивающихся государств были созданы искусственно в процессе колонизации и утверждения централизованного управления со стороны метрополий. Такие страны как Индия и Индонезия никогда не были едиными централизованными государствами в современных границах, поэтому логика современного политического и территориального развития этих государств могла быть внедрена только извне со стороны колониальных метрополий. Влияние авторитарных способов управления колониальными владениями в большей степени перешла и к независимым государствам, так как логика автохтонного развития и культурного многообразия могла быть обоснована только в случае эволюционного развития таких государств, как независимый Джохорский султанат и Аченское княжество в Индонезии и Малакке или сохранения определенных допетровских устоев в России. Надо отметить также большое количество искусственно созданных, но экономически успешных государств, таких как Сингапур, Южная Корея, Малайзия и другие, которые были образованы на обломках колониальных империй сравнительно недавно. Можно привести много таких примеров, но логика развития традиционных обществ была нарушена именно в XVI-XVIII веках, дав начало широкомасштабной экспансии Модерна.

Современное состояние политической системы в незападных обществах представляет собой в большинстве случаев кальку колониального управления, так как элиты независимых государств вынуждены прибегать к методам управления, которые были эффективны в колониальную эпоху, с целью предотвращения внутренних конфликтов. Проблема власти и безопасности создает новый мир, одинаково опасный для всего человечества, так как столкновение различных цивилизационных, культурных, институциональных, социальных и других моделей порождает в конечном счете безликое пространство мирового порядка.

Обращаясь к различным типам рациональности, прежде всего обратимся к практической стороне рациональности, которой касался М. Вебер в своей «Социологии религии», сравнивая пуританский и конфуцианский

⁷ Буров В. Г., Федотова В. Г. Китайский опыт модернизации: теория и практика // «Вопросы философии», 2007, № 5, с. 18.

типы рациональности⁸. Успех модернизации зависит от того, насколько предрасположено общество с культурной и традиционной (ритуальной) точки зрения к инструментальному изменению социальной и политической реальности и к подчинению. «Вселенная инструментальной рациональности»⁹ – это единственное место, где все понимают друг друга и нацелены на выгоду. «Культ полезности» создает подобную предпосылку, где религиозные или национальные особенности, будучи средством внутренней интеграции, становятся особенностями внешнего церемониала, но не внутренних механизмов международных отношений.

Как отмечает профессор Л. Ширинян, «когда отрицается однолинейное представление о развитии, а также модернизации и обеспечивается альтернатива культурно-цивилизационного восприятия общества, в большей степени обогащается теория и практика модернизации, появляется многообразие различных способов заимствовать опыт и сохранить национальную идентичность»¹⁰. Несмотря на многообразие различных территориально-политических образований в современном мире, можно отметить сходство целей и средств, связанных с проблемой эффективного управления. Культура, национальное самосознание и история – становятся определенным базисом правящей элиты для укрепления политической власти. Поэтому многие молодые государства пытаются найти историко-культурное обоснование своего существования, искусственно создавая себе «прошлое», как европейские государства вплоть до XX века создавали образ национального государства, основанного на едином языке и единой культуре. Подобный подход к культуре и истории как средству политического влияния объясняет авторитарный режим правления во многих молодых государствах Азии с интенсивно развивающейся экономикой. Дело в том, что удержание государственного курса на фоне размытости национально-культурной идентичности становится проблематичным, а в частных случаях – как, например, в Японии – столкновение модернистских и традиционных устоев приводит к возрождению подавленных межрегиональных противоречий внутри страны. (*Значит ли это, что 1) Япония – молодое государство, 2) в Японии авторитарный режим?*).

Успех экономических реформ объясняется сильной политической волей и адекватной оценкой текущих международных и внутривнутриполитических процессов, но технологическое и процедурное заимствование определенных достижений Запада ведет к институциональному однообразию. Именно поэтому энергичное экономическое развитие имеет краткосрочный характер (*в Ю. Корею, Сингапуре, Малайзии?*), так как поверхностное

⁸ См. подробнее Weber M. *Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie*. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1986, Bd. 1.

⁹ См. подробнее Touraine A. *Pourrons-nous vivre ensemble*. Fayard. Paris, 1997, p. 40.

¹⁰ Լ. Շիրինյան, Արդիականացման տեւություն ու պրակտիկայի հիմնախնդիրներ (պրոլեկցիա դեպի Հայաստան), Եր., 2016, էջ 33-34:

культурно-цивилизационное многообразие таит в себе отсутствие своего собственного «образа государственности». Политический режим определяется способами управления и освоения современных технологий управления, что может не касаться национальных или культурных особенностей. При принятии политических решений по всему миру доминирует модернистское мышление, так как оно, а не популистские заявления об уникальности своего политического развития определяет действия и решения, которые формируют государственный курс. Характеристика обществ, следующих азиатской модели контрмодернизации, отражена в формуле американского социолога Р. Мертон: «Крайняя степень усвоения институциональных требований ведет к ритуализму, при котором цель отбрасывается, как находящаяся за пределами достижимого, однако подчинение нравам продолжает поддерживаться»¹¹. Данная максима особенно подходит для модернизирующихся обществ и, в частности, для постсоветского пространства, где всё завязано на стабильности или попытке построить эффективную политическую систему. Тот же принцип работает и на Западе, так как политическая идеология и решения все больше подвержены поляризации.

Особенностью современного государства и основной тенденцией его развития в будущем является прагматизм и манипуляция общественным мнением, поскольку культура превратилась не в цель существования народа, а в средство политики, в том числе и на международной арене (*разве культура – цель существования народа?*). Речь идет не о противостоянии Запада и Востока, а противостоянии человека и технологии. Насколько бы философским ни был данный вопрос, сами западные страны, которые не так однородны, как может показаться на первый взгляд, страдают от неосмысленной «процедурной реальности», когда логика развития внедряется извне, разрушая органичность человеческой жизни и подчиняясь регулярным повторяющимся ритуалам. «Общество перестает быть собственно (исключительно) человеческим, преобразуясь в человеко-машинное. Не только община (community), а и общество (society) больше не современно. Вместо него возникает социотехническая система»¹².

Почему же политический проект Модерна может быть связан с философской проблемой человека, когда политический срез не просматривается в рамках современных реалий? Ответ заключается в восприятии модернизационных процессов как переноса определенного технологического опыта на новую политическую и культурную почву, которая существует вне модернистской реальности и не развивается в общепринятой системе эффективности всех сфер жизнедеятельности. Подобный порочный круг (*в*

¹¹ Мертон Р. Социальная структура и аномия // «Социология преступности (Современные буржуазные теории)». М., 1966, с. 307.

¹² Кутырев В. А. Культура и технология: борьба миров. М., 2001, с. 77.

чём порочный круг?) кризисного существования, где все сферы переплетаются в трансполитический клубок (что это такое?), создает предпосылки политизации человеческой жизни и привнесения в нее эффективности как ценности, но в то же время формирует новый взгляд на реальность. Человек, общество и государство больше не рассматриваются как части целого или сопряженные друг с другом реальности, потому что негативное понимание свободы создало предпосылки для формирования различных культов с приставкой «без»: безопасность и безответственность.

К. Поппер пишет, что «вследствие потери органического характера открытое общество может стать тем, что я хочу назвать “абстрактным обществом”. Оно может в значительной степени потерять характер конкретной или реальной группы людей или системы таких реальных групп»¹³. Исходя из этого, признается и бесперспективность подобного политического порядка, так как «открытое общество», освобожденного от догматики и символики, превращается в «закрытое общество одного индивида», замкнутую систему, которая не замечает внешний мир и пытается сформировать этот мир для себя. Здесь проблема заключается в отсутствии или сознательном замалчивании роли и цели человека в политике. Если в античности целью политики представлялось «благо», то сегодня – реагирование на риски.

Риск приобрел характер постоянно учитываемого условия политической и повседневной деятельности. Он объединяет все сферы современного общества, определяя беспомощность отдельного человека перед неизведанным будущим. «Распространение специализации сопровождается развитием современных институтов, а дальнейшее сужение областей специализации представляется неизбежным итогом технического прогресса. Чем более узкой становится специализация, тем более ограниченной оказывается область, в которой тот или иной индивид может претендовать на право быть экспертом; в других сферах жизни он будет находиться в той же ситуации, что и любой другой»¹⁴. Такова тенденциозность современных динамических процессов, которые формируются в одном пространстве, но производят эффект во всех остальных.

Скорее всего, дело в том, что идея единства нашего мира в конечном счете порождает действительность единого разрозненного человечества. Данный оксюморон не представляет собой риторическую уловку, а характеризует современный мир, разделенный на поверхности политическими, экономическими и культурными противоречиями, но не устоявший перед соблазном технологической унификации. Под технологией подразумевается не только материальная основа технических приспособлений современного информационного и коммуникационного общества, но и сама «техно-

¹³ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1. М., 1992, с. 219.

¹⁴ Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // «Thesis», 1994, № 5, с. 119.

логичность жизни», олицетворяющая процедурное повторение социальных, политических и профессиональных практик. В политической сфере необоснованность процедур превращается в кризис и переходит в другие сферы, поэтому мы говорим, прежде всего, о политике как всепроницающей сущности Модерна, а не экономике и т.д. Современная политика касается всех сфер жизнедеятельности человека, хотя инструментарий и способы реализации ее решений могут быть заимствованы из других сфер. Это не отменяет исключительности политического видения процессов, которые все более уплотняют современную реальность, забывая о человеке и его развитии.

К. Поппер противостоял политическим мыслителям прошлого, утверждавшим, что имеют место объективные законы истории, но сам попал в идеологическую ловушку «открытого общества», так как отрицание существования объективного и все идеи об «объективизации» реальности в конце концов приводят к идее «конструирования». Ранние модернисты и идеологи модернизации были убеждены в возможности конструирования и успехе социальной инженерии в различных уголках мира, но современные процессы показали обратное. Осмысление развития этносов, наций, народов и государств до новейшего момента обозначило контуры уникальности будущего, лишённого национально-культурных особенностей в их сущностной формулировке. Культуротворчество как единство цели и средств сохранения человека и сообщества передало позиции технологической унификации будущего, где политические отношения будут подчинены конкретной производственной логике развития. Данная тенденция объективна, и отрицание объективных реалий политических процессов на фоне развития постнеклассических (!) научных теорий представляется несостоятельным. Наоборот, отрицание объективности и историчности политических процессов породило современные конспирологические теории. Но не стоит искать логику там, где ее нет. Политическая деятельность и все пространство политического подчинено объективному становлению проекта Модерна, так как человек был вырван из действительности, и новая «политическая» парадигма может появиться в будущем только при условии нового осмысления роли и места человека в мире будущего.

Ключевые слова: кризис, модернизация, глобализация, безопасность, риск

ՆՈՐԱՅԳ ԴՈՒՆԱՄԱԼՅԱՆ – Արդիականացման գործընթացը գլոբալ դիսկերի տարածման միջոց – Հոդվածում վերլուծվում են արդիականացման և գլոբալացման գործընթացները որպես գլոբալ դիսկերի տարածման միջոց մոդերնիստական և ավանդական արժեքների անհամապատասխանության պատճառ: Արդի հասարակական և քաղաքական հարաբերությունների «տեխնոլոգիական» մոդելը մշակույթը դիտարկում է որպես որոշ քաղաքական նպատակների ձեռքբերման գործիք: Արդի ոչ արևմտյան հասարակությունների

զարգացման տրամադրությունը նույնպես հիմնված է արդյունավետ կառավարման արժեքների վրա և ձևակերպվում է որպես Մոդեռնի նախագծի իմիտացիա: Կարևորվում են մարդու խնդիրը ժամանակակից տեխնոկրատիկ հասարակության շրջանակներում և ապագա աշխարհում մարդու դերի վերաիմաստավորման համար պայմանների ստեղծման անհրաժեշտությունը:

Բանալի բառեր - ճգնաժամ, արդիականացում, գլոբալացում, անվտանգություն, ռիսկ

NORAYR DUNAMALYAN – *Modernization Process as a Tool of Spreading Global Risks.* – The article analyzes the contemporary processes of modernization and globalization as a way to spread global risk due to mismatch of modernist and traditional values. "Technological" model of modern social and political relations considers culture as an instrument for achieving certain political objectives. The logic of the development of modern non-Western societies is also based on the values of good governance and, as a rule, formulated on the basis of the simulation elements of the political project of Modernity. There is also a modern technocratic society, the problem of man and the need to create conditions for rethinking the role and man's place in the global world of the future.

Key words: *crisis, modernization, globalization, security, risk*